

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Носков Владимир Юрьевич

УДК 94(477.6)"1941/1945"-053.4/6(093.3)

**ОБРАЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Донецк – 2017

Работа выполнена на кафедре истории России и славянских народов в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», г. Донецк.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Пенькова Оксана Борисовна,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», заведующая кафедрой истории России и славянских народов.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Евдокимов Николай Александрович,
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», профессор кафедры правоведения;

кандидат исторических наук, доцент
Богуславская Валентина Григорьевна,
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры», доцент кафедры истории и философии.

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», г. Луганск.

Защита состоится «13» июня 2017 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 01.007.02 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» по адресу: г. Донецк, ул. Университетская, 24, ауд.38.

Тел. факс:(телефон организации) +38(062) 302 92 53
e-mail: (электронный адрес совета) vsemirkaf@gmail.com

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке организации по адресу: г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 01.007.02

А.В.Колесник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Великая Отечественная война явилась одним из величайших событий, определивших ход мировой истории и судьбы всех ее участников – от мала до велика. Тотальная война втянула в себя сражающиеся армии и гражданское население, опрокинув привычное деление на фронт и тыл, перечеркнув прежние представления об обычаях и этике войны. Речь шла о жизни и смерти миллионов людей, о будущем цивилизации. История войны – неисчерпаемая тема, ее изучение – долг историков перед теми, кто выстоял и победил, ковал победу, растил хлеб и сохранял культуру. Великий русский писатель Андрей Платонов, сам будучи фронтовым корреспондентом, высказал в своей, лишь недавно опубликованной, записной книжке следующую мысль: «В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый и ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие»¹.

Для детей, как и для фронтовиков, и тружеников тыла, опыт войны стал ключевым в жизни. Он определил очень многое в мировоззрении советских людей, для которых память о войне и великой Победе приобрела поистине священное значение. Вместе с тем, для детского восприятия это был и болезненный, травматический опыт страдания, потерь и лишений. В наши дни представители именно этого поколения являются носителями живой памяти о Великой Отечественной войне, их свидетельства вызывают неослабевающий интерес и оказывают значительное влияние на молодежь.

Полнота осмысления военного детства предполагает детальный анализ его отражения в сознании современников, воссоздание синхронного образа на основных уровнях советского общественного сознания – обыденном и официально-идеологическом. Детство – период, в рамках которого происходит становление мировоззрения и личности ребенка, от этого процесса неотделимы образы реальности в сознании детей, переживших войну. Ребенок всегда воспринимается как цель жизненных усилий, воплощение счастья, будущего, поэтому в пропагандистском арсенале понятия материнства и детства выступают важными показателями эффективности социальной политики, воплощением социальных идеалов.

Особую важность имеет рассмотрение локально сфокусированных образов военного детства. В этом отношении характерен опыт Донбасса, в истории которого сконцентрированы ожесточенные бои, массовая эвакуация, особо жесткий в силу прифронтового положения оккупационный режим, восстановление усилиями всего Советского Союза. В силу трагических обстоятельств развернувшейся в наши дни войны тема приобретает практическое значение в контексте как идеологической актуализации образов и символов, связанных с Великой Отечественной войной, так и преодоления детьми социальных и психологических последствий военного конфликта.

¹ Платонов А. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / Андрей Платонов; сост., подготовка текста, комм. Н.В.Корниенко. – М.: Время, 2010. – С.496.

Степень разработанности темы. Научная актуальность исследования определяется обращением современной историографии к изучению широкого спектра проблем Великой Отечественной войны в человекоцентричном измерении². Проблематика военного детства, в том числе и образ войны в памяти детей военного поколения, преимущественно исследуется на региональном уровне. Реконструкции синхронного обыденного образа военного детства на материалах Донбасса еще не предпринималось. На обширном материале историками, социологами, культурологами изучен образ счастливого советского детства, сложившийся в идеологии в 1930-е годы. В историографии отчетливо прослеживается тенденция неоправданной экстраполяции такого образа на период Великой Отечественной войны, в то время как специально пропагандистский образ военного детства пока не изучался.

Цель работы – реконструкция и анализ образа детей и детства в советском общественном сознании в период Великой Отечественной войны.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать историографию проблемы, охарактеризовать основные группы источников, составивших основу исследования;
- обосновать основные методологические подходы к проблеме и методику исследования;
- определить место образа детства в советской государственной идеологии в 1930-е гг. и попытку его инструментальной адаптации на начальном этапе войны;
- проанализировать основные пропагандистские детские образы 1942–сер. 1944 гг.: ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика и сражающегося ребенка;
- проследить процесс генерализации образа военного детства в условиях победоносного завершения Великой Отечественной войны;
- охарактеризовать факторы формирования обыденного образа военного детства в Донбассе в 1941–1945 гг.;
- выявить основные компоненты образа военных реалий в сознании детей Донбасса;
- на материалах личного дневника Э. Подольской раскрыть образ военного детства в жизненной истории донецкого подростка.

Объект исследования – феномен военного детства во всей сложности и многообразии его проявлений.

Предмет исследования – закономерности формирования структуры, функционирования и развития образа военного детства на идеологическом и обыденном уровнях советского общественного сознания. Обыденный уровень представляет детское сознание, которое исследуется на материалах Донбасса: Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областей.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т.10: Государство, общество и война / Министерство обороны Российской Федерации. – М.: Кучково поле, 2014. – С.8.

Хронологические рамки работы охватывают период Великой Отечественной войны – 1941–1945 гг., предпосылки отдельных процессов в советском общественном сознании военного времени прослежены начиная с 1930-х гг.

Методологическую основу работы определяют принципы историзма, объективности, системности. Теоретическую основу исследования составила историко-антропологическая методология, в рамках которой детство рассматривается как уникальный социокультурный феномен с характерными сущностными характеристиками, особенностями и историей. Используются общенаучные, междисциплинарные и собственно исторические методы исследования. С помощью хронологического метода дифференцировались синхронный и ретроспективный образы военного детства. Использование функционального метода позволило выяснить роль ключевых детских образов в официальной идеологии. При исследовании сообщений Совинформбюро и газетной периодики использовался метод контент-анализа, мемуаров – нарративного анализа, материалов устной истории – экстраполяции, реконструктивного перекрестного анализа (П. Томсон), анализа тематического поля (Г. Розенталь). Методы визуальной антропологии привлекались в ходе изучения фото- и киноматериалов, плакатов. В исследовании использован инструментарий микроистории с ее обращением к индивидуальной биографии, отраженной в документах личного характера.

Научная новизна исследования заключается в реконструкции синхронного образа военного детства на идеологическом и обыденном уровнях советского общественного сознания 1941–1945 гг.

В диссертационном исследовании автором впервые:

- введен в научный оборот комплекс источников: архивных материалов, газетной периодики, устной истории, источников личного происхождения и фотоматериалов из семейных архивов жителей Донецка;

- выявлены ведущие тенденции в динамике образа военного детства на идеологическом уровне советского общественного сознания: попытка в начале Великой Отечественной войны адаптации предвоенного образа советского детства, его дифференциация на автономные детские образы в 1942–1944 гг., новая генерализация образа военного детства на этапе победоносного завершения войны;

- проанализированы внутренняя структура, целевая аудитория, средства трансляции, пропагандистская интерпретация образов ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика, сражающегося ребенка;

- поставлена проблема соотношения образов явлений и состояний в структуре образа военных реалий в детском сознании.

Уточнены:

- структура образа счастливого советского детства 1930-х гг.;

- особенности хода войны в Донбассе, которые повлияли на формирование образа военного детства;

– влияние возрастных психологических особенностей на формирование образа военного детства в сознании подростка.

Расширена аргументация в пользу выделения основных этапов развития советской пропаганды в период Великой Отечественной войны, конкретизированы механизмы и средства формирования советских пропагандистских образов.

Практическое значение полученных результатов состоит в возможности их использования при разработке учебных курсов по отечественной истории, подготовке обобщающих работ по истории Донбасса в период Великой Отечественной войны, спецкурсов по истории детства. Сформулированные в работе рекомендации также применимы в воспитательной и социальной работе.

Апробация результатов диссертации. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России и славянских народов Донецкого национального университета, а также были представлены в выступлениях на ряде научных и научно-практических конференций: III Всеукраинской краеведческой конференции учащейся молодежи «Юго-Восточная Украина: из древности в XXI век» (Донецк, 2007), 62-й Международной научной конференции молодых ученых «Каразинские чтения» (Харьков, 2009), межвузовской научно-практической студенческой конференции «65 лет освобождения Украины: взгляд из настоящего» (Донецк, 2009), Запорожских еврейских чтениях (Запорожье, 2011), Первой научной конференции ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы» (Донецк, 2015), Международной научно-практической конференции «Детское и молодежное движение: история и современность» (Кострома–Астана–Барнаул–Самара–Луганск, 2016), I Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2016. Образование, наука и вызовы современности» (Донецк, 2016).

На защиту выносятся следующие положения.

1. Образ военного детства 1941–1945 гг. является сложным и многомерным феноменом, который занимал одно из ключевых мест в советском общественном сознании как на его обыденном, так и на идеологическом уровнях. Образ военного детства стал важной частью образа Великой Отечественной войны и выполнял комплекс важнейших функций.

2. Официальная советская пропаганда, с одной стороны, выступала значимым фактором формирования общественного сознания. С другой стороны, пропагандистский образ военного детства в целом не противоречил бытовавшим в обществе представлениям, а во многом и опирался на них. Официальная пропаганда артикулировала, инструментально использовала, заостряла одни элементы народного образа, камуфлируя или замалчивая другие.

3. На начальном этапе Великой Отечественной войны попытка инструментальной адаптации целостного образа советского детства, сложившегося в 1930-е гг., закончилась неудачей.

4. Образ советского детства в 1942–сер. 1944 гг. пережил сложную трансформацию, в результате которой сложилась система относительно автономных пропагандистских образов: ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика и сражающегося ребенка. Они различались структурой, целевой аудиторией, средствами трансляции, интерпретацией. Стержневая роль в их смысловом объединении принадлежала образу ребенка-жертвы.

5. В условиях победоносного завершения войны осуществлялась направленная генерализация и структурное упрощение образа военного детства, в это же время сформировались основные векторы его послевоенного развития.

6. В синхронных образах военных реалий в сознании детей системообразующую роль играло сложное сочетание образов событий и образов эмоциональных и психосоматических состояний.

7. Раннее взросление подростков в условиях Великой Отечественной войны изменило механизмы формирования образов в их сознании, прежде всего, за счет рефлексивной составляющей происходила конвергенция советского и традиционного смысловых уровней при доминировании советской идентичности.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс в ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» при чтении курсов «История России», «Устная история», «Социально-историческая антропология».

Публикации. Основные научные результаты диссертации изложены в 17 публикациях общим объемом 28,6 п.л., из которых лично принадлежат автору 20,6 п.л., из них 5 являются статьями в рецензируемых научных изданиях объемом 2,3 п.л., 2 – статьями в научных сборниках, из которых лично принадлежат автору 2,1 п.л., 3 – публикациями источников, 7 – публикациями апробационного характера.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав (9 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы (569 позиций) и 10 приложений. Общий объем работы составляет 285 с., из них 199 с. основного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрыта актуальность проблемы, определены цель, объект, предмет и основные задачи, хронологические рамки исследования, обосновано теоретическое и практическое значение полученных результатов и их апробация.

В **первой главе «Степень изученности проблемы, источниковая база, методологические основы и методика исследования»** проанализированы историография, источники, раскрыты методологические подходы к проблеме и методика исследования.

Параграф 1.1. «Степень изученности проблемы» содержит анализ исследований военного детства в человекоцентричном измерении, реализация которых на советском этапе, а затем в современной России, Донбассе и Украине имеет значительную специфику по сравнению с традиционной историографией Великой Отечественной войны.

Первый этап осмысления военного детства в СССР можно определить как литературно-публицистический (1940-е – сер. 1960-х гг.).

Привлечение общественного внимания к проблеме военного детства и обращение к внутреннему миру ребенка в условиях войны впервые произошло благодаря художественной литературе. Это следует считать закономерным ввиду особенностей, с одной стороны, литературы как вида искусства, а с другой – общественно-политической ситуации в СССР. По времени написания и психологической глубине приоритет принадлежит рассказам А. П. Платонова («Маленький солдат», «Никита»), по общественному резонансу – повести В. П. Катаева «Сын полка». Значительное углубление детских образов связано с повестью В. В. Богомолова «Иван», циклом рассказов А. И. Приставкина «Военное детство».

Второй этап – научно-литературный (сер. 1960-х–1980-е гг.).

Сопряжение художественного и научного творчества характерно для книги А. Л. Барто «Найти человека»³, написанной в жанре «научного поиска» (определение И. Л. Андроникова). В художественной форме представлен сложный исследовательский путь: возникновение идеи поиска родных, разлученных войной, без точных данных, по воспоминаниям детства; масштабная переписка; ежемесячная радиопередача (1965–1973 гг.); подтверждение правильности методики – более 900 соединенных семей. Опираясь на опыт работы с детьми и глубокое знание их психологии, писательница доказала релевантность использования ранних (по крайней мере, с 3 лет) воспоминаний, структурировала их, вычленила базовые образы. В дальнейшем появились книги-исследования судеб сыновей полка, юных партизан, жертв войны и т.д. Начало обращения к устной истории также было положено подвижническим трудом писателей. Д. А. Гранин, А. М. Адамович создали «Блокадную книгу», А. М. Адамович, Я. Брыль, В. А. Колесник – «Я из огненной деревни». Одной из центральных в проблематике устной истории военного детства стала книга «Последние свидетели. Соло для детского голоса» С. А. Алексиевич.

Третий, современный – историко-антропологический – этап начался в 1990-е гг. и связан с обращением ученых России, Украины, Донбасса к идеям и инструментарию западной исторической науки, прежде всего, школы «Анналов» и Франкфуртской школы.

Значительные результаты достигнуты в изучении детской повседневности. Спектр интересов российских ученых Т. П. Хлыниной,

³ Барто А. Найти человека // Собр. соч.: в 4 т. Т.1: Проза / Агния Барто. – М.: «Художественная литература», 1981. – С.23–244.

Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой, И. В. Рябова, Е. Н. Стрекаловой, Н. Э. Вашкау, В. А. Агеевой, М. А. Рыбаловой, Н. О. Фурсиной, украинского исследователя Г. М. Голиша охватывает жизненные стратегии, семейную жизнь, восприятие дома, пищевые практики, представления о враге и т.д. Следует отметить, что в своих работах историки опираются на широкую источниковую базу, включающую материалы как партийно-государственного, так и личного происхождения⁴.

Что касается исследований в области устной истории, то работы Е. Ю. Волковой, Л. Н. Юсуповой, Г. Г. Гринченко выявляют особенности восприятия реалий 1941–1945 гг. несовершеннолетними различных этнических, социальных, региональных групп⁵.

Историко-антропологические подходы к изучению отдельных аспектов военного детства применяли в исследованиях целого ряда проблем Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления Донбасса А. А. Саржан, И. С. Тарнавский, Т. М. Удалова, М. А. Соловей и др.⁶

В рамках изучения советского общественного сознания периода Второй мировой войны наибольшее внимание привлекает образ врага. Е. С. Сенявская акцентирует внимание на том, что одним из его маркеров было определение «детоубийцы», при этом характеристика жертв агрессии включалась в смысловую структуру образа врага⁷.

⁴ Кринко Е.Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф.Кринко, И.Г.Тажидинова, Т.П.Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 362 с.; Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб.ст. / Под ред. А.Ю.Рожкова. – Краснодар: Традиция, 2010. – 377 с.; Рыблова М.А. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А.Рыблова, Е.Ф.Кринко, Т.П.Хлынина и др. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 336 с.; Голиш Г.М. У вирі війни. Становище неповнолітніх громадян України в 1941–1945 рр. / Г.М. Голиш. – Черкаси: Черкас. ЦНТЕІ, 2005. – 323 с.

⁵ Волкова Е.Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / Е.Ю.Волкова.– Кострома: Изд-во КГТУ, 2010.– 155 с.; Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии / Юсупова Л.Н. // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. – М.: РОССПЭН, 2005. – С.345–351; Грінченко Г.Г. Усна історія примусу до праці: метод, контексти, тексти / Г.Г.Грінченко. – Харків: «НТМТ», 2012. – 304 с.

⁶ Саржан А. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кінець 80-х рр. ХХ ст. / А.Саржан. – Донецьк: ООО «Лебедь», 2004. – 412 с.; Тарнавський І.С. Впровадження на Донеччині німецько-фашистської окупаційної політики у сфері освіти (1941–1943 рр.) / І.С. Тарнавський // Історичні і політологічні дослідження. – 2005. – № 1(23). – С.124–128.; Удалова Т.М. Особливості соціального захисту дітей та матерів в роки Другої Світової війни (1939–1945 рр.) / Т.М.Удалова // Історичні і політологічні дослідження. – 2009. – № 1. – С.87–94; Соловей М.О. Дитячі будинки Донбасу у 1943–1965 роках: автореф. дис... канд. іст. наук / М.О. Соловей. – Донецьк, 2009. – 19 с.

⁷ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С.Сенявская. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.

Обращение к истории советского детства 1930–1940-х гг. в западной историографии разворачивается в контексте интереса к социальному статусу несовершеннолетних, государственной социальной политике, советской идеологической интерпретации феномена детства⁸.

Таким образом, изучение военного (1941–1945 гг.) детства в СССР представлено спектром исследовательских направлений, однако проблема синхронного образа военного детства в общественном сознании, прежде всего, на его идеологическом уровне и на материалах Донбасса остается неизученной.

В параграфе 1.2. «Характеристика источников» комплекс положенных в основу исследования материалов классифицируется по происхождению и содержанию.

Первая группа источников – это документы органов партийно-государственной власти, которые касались разных категорий детей либо формирования пропагандистского образа детства: директивные документы, статистическая отчетность, материалы тайного делопроизводства НКВД и др. Автором изучены документы 9 фондов 5 государственных архивов: Архива МИД Российской Федерации (ф.069), Российского государственного архива (ф.1562), Государственного архива Донецкой народной республики (фф.Р-279, Р-2852, Р-1838, П-326, П-533), Государственного архива Луганской народной республики (ф.Р-1748), Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины (фф.13, 16).

Вторая группа объединяет материалы средств массовой информации: Совинформбюро, ряда центральных, военных изданий, а также республиканских, областных и городских общественно-политических газет («Молодь України», «Соціалістический Донбасс», «Ворошиловградська правда», «Сталинский рабочий», «Артемівський робітник», «Прапор індустрії»).

Третья группа представлена произведениями фольклора. Тексты песен, загадок, анекдотов, «песен неволи», записанные со слов детей и подростков в ходе экспедиций 1944–1949 гг., хранятся в научных архивных фондах рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рильского (фф.14-3, 14-5).

В четвертую группу вошли ведущие для изучения образа военного детства в общественном сознании источники личного происхождения: письма, дневники и мемуары. Отдельные эпизоды, наблюдения, связанные с детьми, содержат дневники писателей, бывших во время войны фронтовыми корреспондентами. Богатством материала для изучения всех сторон военной истории – от политической работы до повседневности – отличаются

⁸ Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда / К.Келли; пер. с англ. Я.Токаревой // НЛЮ. – 2003. – №60. – С.218–251; Kucherenko O. Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945 / Olga Kucherenko. – Oxford University Press, 2011. – 280 p.

дневники В. В. Вишневого. Детский военный дневник Э. П. Подольской (Червяченко) сохранился в домашнем архиве ее семьи в г. Донецке. Письма военного времени позволяют реконструировать характер и атмосферу отношений между членами семей, разлученных войной. Круг мемуаров, безусловно, шире, в их число входят и воспоминания взрослых участников войны, и воспоминания о военном детстве.

Пятая группа – это произведения разных жанров художественной литературы. С одной стороны, все публиковавшиеся произведения в условиях военного времени несли пропагандистскую нагрузку, а с другой – в них отражались реалии времени, мысли, чувства авторов, общие настроения.

В шестую группу объединены *визуальные источники*: агитационные плакаты, другие произведения изобразительного искусства, фото- и кинодокументы. Особый интерес представляют семейные фотоальбомы. В работе впервые использованы рисунки юного подпольщика И. Кекуха (фонды Донецкого республиканского краеведческого музея).

Седьмую группу составили *материалы устной истории*. Использовались как авторские, так и опубликованные материалы. Автором в городах Донецк, Киев, Львов, селе Ивановполье (Константиновский р-н Донецкой обл.) было опрошено 52 респондента, которым на 22 июня 1941 г. исполнилось от 3 до 16 лет. Программа полуструктурированного интервью включала три тематических блока, посвященных семье, военной судьбе и повседневной жизни в период Великой Отечественной войны. Опрос проводился в 2007–2015 гг., что позволило выявить влияние текущей политической ситуации на содержание воспоминаний.

В целом источники формируют комплекс, обеспечивающий возможность объективного исследования темы.

В параграфе 1.3. «Методология и методика исследования» отмечается, что историко-антропологический подход к изучению детства подразумевает исследование его отражения в общественном сознании. Так, Ф. Арьес⁹ на историческом материале доказал, что детство является не только стадией онтогенеза, но имеет в зависимости от эпохи неоднородное смысловое, социальное и культурное содержание.

Общественное сознание – широкое понятие, объединяющее взгляды, представления, настроения, чувства, традиции, идеи, теории. Оно существует в форме индивидуального сознания, само являясь особым видом реальности, способным к отражению.

Образ – субъективная картина мира или его фрагментов – является начальным звеном и одновременно результатом познавательного процесса, объединяет ощущения, восприятия, представления, понятия, сопрягая их в целостное образование. По времени возникновения выделяют прогностические, синхронные и ретроспективные образы.

⁹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф.Арьес; пер. с фр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 416 с.

Современные социально-философские представления о структуре общественного сознания и его свойствах дают необходимый инструментарий для изучения образа детства на его обыденном и идеологическом уровнях.

Во второй главе «**Образы детей и детства на идеологическом уровне советского общественного сознания в период Великой Отечественной войны**» определено место детских образов в системе советской пропаганды 1941–1945 гг., проанализирована их трансформация.

В параграфе 2.1. «*Образ счастливого советского детства и попытка его инструментальной адаптации на начальном этапе войны*» дана общая характеристика одного из центральных в пропаганде 1930-х гг. образа счастливого советского детства, показаны общие изменения официальной идеологии с началом Великой Отечественной войны и место в новой системе координат образов детей и детства, сложный поиск новых образных форм.

В 1930-е годы образ детства в советском смысловом пространстве метафорически воплощал «рождение» и «взросление» социалистического государства, символизировал его достижения. Образы детства активно использовались для противопоставления социалистического строя дореволюционной России, «империалистическому окружению», особенно фашизму. На уровне публичной риторики 1930-х гг. такой образ являл собой двуединую структуру. Презентовалась забота со стороны вождя, партии и государства, нацеленная, с одной стороны, на создание условий для безопасного и полноценного развития несовершеннолетних, а с другой – на их воспитание через активное вовлечение в общественно-политическую жизнь. Визуальным воплощением такого образа стала фотография Гели Маркизовой на руках у И. В. Сталина, опубликованная в 1937 г. в «Правде» вместе с лозунгом: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Нападение Германии 22 июня 1941 г. повлекло за собой фундаментальные изменения в идеологической системе СССР, война стала определяющим фактором жизни государства, а будущая победа – абсолютной ценностью. Символическое единство советских граждан выражалось в их обозначении как сыновей и дочерей Советской Родины, трудового народа.

Значительная роль в обеспечении морально-политической мобилизации населения страны на войну с агрессором отводилась пропагандистским сюжетам, посвященным детям и детству. Автором подсчитано, что в 1941–1944 гг. упоминания о советских детях разных возрастов, школьниках, учениках, учащихся, пионерах, подростках, юных патриотах присутствуют в 384 сообщениях Совинформбюро – 16,2% от их общего количества.

Характерным для 1941 г. стало инерционное использование структур довоенного образа советского детства. Так, три сводки Совинформбюро за июль 1941 г. содержали сюжеты о помощи детей в поимке диверсантов – полностью в литературно-пропагандистской стилистике 1930-х годов. Не

сразу произошел и отказ от привычного акцента на заботе государства о детях. Летом 1941 г. в работе с красноармейцами упор делался на разъяснении постановления СНК о пенсиях и пособиях семьям военнослужащих. Объединение новых тем и лозунгов со структурными элементами образа счастливого советского детства мы встречаем в одном из наиболее ярких произведений военной публицистики того времени – «Письмах к товарищу» Б. Л. Горбатова: идущие в школу 1 сентября дети, детская железная дорога в оставленном армией городе, призыв: «Товарищ! Если ты любишь Родину и своего сына, и будущее его дорого тебе, – бей, без пощады бей, без жалости бей врага!»

Попытки адаптации образа детства 1930-х годов к военной пропаганде были отторгнуты широкими массами, о чем свидетельствуют спецсообщения сотрудников НКВД о политических настроениях в УССР. Усложнение функций, усиление ответственности, поиск наиболее эффективных форм влияния на общественное сознание привели к принципиальной трансформации образа детства.

В параграфе 2.2. «Ключевые детские образы в советской пропаганде 1942–сер. 1944 гг.: ребенок-жертва, опекаемый ребенок, ребенок-труженик, сражающийся ребенок» проводится анализ средств формирования, содержания, структуры и смысловой интерпретации соответствующих образов.

В 1942–сер.1944 гг. внутренняя структура образа военного детства приобретает отчетливо дифференцированный характер. Целостный образ трансформируется, и на его основе формируются четыре ключевых образа: ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика и сражающегося ребенка. В такой концепции все указанные образы детей были связаны друг с другом, прежде всего, жертвенной интерпретацией.

Образ ребенка-жертвы доминировал во всех средствах пропаганды. В презентации образа можно отметить несколько ведущих тенденций, призванных обеспечить максимальное эмоциональное воздействие и мобилизационный эффект. Происходило усиление персонализации – от безличных характеристик (дети, ребенок) – к указанию более подробных сведений о пострадавших от врага (маленькие дети, грудной ребенок, мальчики, девочки, подростки, др.) и, наконец, – полное указание фамилии, имени и возраста убитого ребенка. Газетные публикации часто сопровождались фотографиями. Подобные сообщения потрясали, становились основой трагических публицистических и поэтических образов («Николай Владимирович – 1 года» И. Г. Эренбурга, «Десятилетний человек» С. В. Михалкова). В плакатном искусстве схожий эффект достигался за счет углубления психологизма образов. Своеобразная революция плакатного искусства ознаменована работой В. Б. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» Впервые драматизм происходящего передан, прежде всего, композиционным решением.

Особое внимание уделялось достоверности информации. Проводилась целенаправленная работа по сбору данных о преступлениях фашистов на оккупированной территории (партизанская разведка, опросы переходивших линию фронта, трофейная немецкая документация). Сразу после освобождения населенных пунктов составлялись Акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, готовились обвинительные материалы на судебные процессы. Эффект достоверности в подобных текстах усиливался сочетанием официального и «народного» стиля.

В качестве корреспондентов в наступающие войска при возможности направлялись писатели, хорошо знавшие освобождаемые места, что помогало общению с людьми. Так, у крымчанина И. Л. Сельвинского родились строки о массовом расстреле в Багеровском рву под Керчью: «Можно не слушать народных сказаний, / Не верить газетным столбцам, / Но я это видел! Своими глазами! / Понимаете? Видел. Сам». Б. Л. Горбатов в родном Донбассе начал собирать материал для повести «Непокоренные» в разгар боев в 1943 г.

Перед редакциями СМИ и политработниками ставилась задача передавать целенаправленный и системный характер уничтожения народа оккупантами. Цензурой исключались материалы, представляющие врага недостаточно жестоким. В сводках Совинформбюро, листовках, газетах, художественных произведениях освещались самые страшные преступления фашизма: физическое и моральное насилие (мародерство, изгнание из жилья, облавы, изнасилования), массовые расстрелы и сожжения людей, убийства детей с особой жестокостью (убийства на глазах родителей, повешение, утопление, насильственный забор крови, убийство воспитанников детского дома). По отношению к оккупантам применялась лексика, максимально заряженная отрицательными эмоциями: детоубийцы, мерзавцы, нелюди, палачи, изверги, др.

В конце 1943–1944 гг. в связи с перехватом Красной Армией стратегической инициативы распространяются сюжеты, связанные с призывом к военнослужащим РККА освобождать и спасать детей и подростков. В плакатной графике начали преобладать изображения несовершеннолетних, сопровождаемые символами неволи: колючая проволока, таблички на шее, оковы. Яркий пример – плакат А. А. Кокорекина «Освободи!»

Ужасы оккупационного режима, горе миллионов семей сыграли главную роль в нарастании ненависти к врагу и его дегуманизации, лежавшей в основе лозунга: «Убей немца!» В. В. Вишневский, анализируя роль пропаганды в войне, писал в дневнике 26 марта 1945 г.: «Ненависть к врагу мы довели до максимума. Еще точнее: ненависть родилась из наблюдаемых фактов, от звериной жестокости фашистов».

Образ опекаемого ребенка был в военных условиях принципиально переосмыслен. Появилась социальная категоризация в трактовке объекта социальной политики, поскольку в пропагандистском сопровождении

нуждался, прежде всего, целый комплекс новых законодательных актов по обеспечению семей военнослужащих. Однако наиболее существенным по сравнению с мирным временем было изменение субъекта проявляемой заботы о детях – не вождь, не государственная власть, а общество выступает в этой роли. Народ берет на себя заботу о детях, в первую очередь самых незащищенных – о сиротах. Было организовано несколько масштабных пропагандистских кампаний усыновления, находивших самый широкий отклик. Например, в дневнике К. И. Чуковского сохранилась запись периода эвакуации в Ташкенте в 1942 г.: «Утром в Наркомпросе у Владимировой. У нас целая очередь: берут на воспитание эвакуодетей». Трогательная заметка в газете «Социалистический Донбасс» сообщала читателям, что в детском доме в Горловке, который носит имя Г. К. Жукова, воспитывается 156 детей. Воспитанники написали письмо маршалу и получили от него ответ и продуктовую посылку (13.05.1945 г.).

Главный акцент в образе ребенка-труженика делался на коллективном и добровольном характере труда. Это касалось и участия в сельскохозяйственных работах, которое после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. стало обязательным для учащихся 6–10-х классов. Информационная кампания, сопровождавшая его выполнение, строилась по схеме, сложившейся в 1930-е годы: почин школьников, их обращение к «Всесоюзному старосте» М. И. Калинину, его ответ, социалистическое соревнование, постоянное освещавшееся в прессе.

Участие детей в шефской помощи семьям военнослужащих, госпиталям позиционировалось как прямое продолжение тимуровского движения. Инициативность школьников реально давала богатейший материал для многочисленных заметок в газетах. Участие детей в сборе средств на военную технику подчеркивали названия боевых машин: танк «Макеевский школьник», самолет «Горьковский пионер» и др.

Наиболее распространенной формой газетных публикаций, посвященных работе несовершеннолетних на промышленных предприятиях, были фотографии с подробными подписями. Подменялись понятия – речь шла не о подростках, работающих на производстве, а о «рабочей молодежи» (соответственно, даже были переименованы школы), учащихся ремесленных училищ и школ ФЗУ. Типично в этом плане сообщение газеты «Труд» 23 сентября 1943 г. о формировании бригад из учащихся для восстановления промышленности Донбасса. Более многопланово и содержательно ребенок-труженик был представлен в литературе и искусстве. Образ работающего подростка, к которому и взрослые уважительно обращаются по имени-отчеству, закрепили в общественном сознании стихотворение «Данила Кузьмич» С. В. Михалкова, сборник «Идет ученик» А. Л. Барто, песня «Василий Васильевич» Н. В. Богословского и Б. С. Ласкина, художественный кинофильм «Мы с Урала».

В создании образа ребенка, принимающего непосредственное участие в вооруженной борьбе с фашизмом, решалась сложная агитационно-

пропагандистская задача. В ходе совещаний в Совинформбюро внимание редакторов специально обращалось на недопустимость публикации материалов, идущих вразрез с международными договорами и конвенциями. Ведя контрпропаганду, советская сторона всячески отрицала вражеские обвинения в мобилизации несовершеннолетних в РККА. В то же время центральная идея Отечественной войны и, главное, реальное участие в сопротивлении фашизму несовершеннолетних требовали соответствующей агитации и прославления подвигов. В таком контексте детский героизм трактовался как акт личного мужества, порыв, месть за семью. Ведущим приемом в изображении сражающегося ребенка была типизация. В первом же сообщении Совинформбюро о вооруженном сопротивлении несовершеннолетнего фашистам от 8 сентября 1941 г. описывалась история Саши Тышкевича. Он отомстил оккупантам за гибель семьи, бросив гранату в штабную машину. В отличие от максимальной индивидуализации поэтических образов детей-жертв, П. Л. Антокольский в своей интерпретации сюжета создал обобщенный образ. На слова его «Баллады о мальчике, имя которого неизвестно» написал ораторию С. С. Прокофьев.

Участники партизанских отрядов, подпольных организаций в пропаганде позиционировались как «комсомольцы», «советская молодежь», «юноши и девушки», то есть очень молодые, но уже взрослые люди. Если говорить о возрасте, то посмертно ставшему Героем Советского Союза партизану Александру Чекалину на момент казни в ноябре 1941 г. было 16 лет, Олег Кошевой – комиссар краснодонской «Молодой гвардии» – родился в 1926 г., то есть встретил войну подростком. Служба детей в регулярных воинских подразделениях в 1941–1943 гг. в прессе практически не освещалась в силу цензурных запретов.

В параграфе 2.3. «Генерализация образа военного детства в условиях победоносного завершения Великой Отечественной войны» рассмотрены основные тенденции развития образа детства в советской пропаганде на завершающем победоносном этапе войны. Главным фактором коренных изменений в идеологической трактовке детских образов явилось прекращение боевых действий на территории СССР. Однозначной стала концентрация советской пропаганды на возвеличивании личности и заслуг И. В. Сталина, возглавляемых им Вооруженных Сил, партии и государства.

Во второй половине 1944–1945 гг. произошло изъятие из информационного пространства образа ребенка-жертвы, а также уменьшение коннотаций страдания в презентации других детских образов. Главное место в советских информационных ресурсах вновь заняли сюжеты, связанные с государственной социальной политикой. Например, в газете «Социалистический Донбасс» в 1944 г. детям была посвящена 81 публикация, тематически они распределились так: социальная политика – 51%, детский труд – 23,6%, преступления против детей – 18%, подвиги детей – 2,2%. Огромное внимание уделялось системе образования, ее восстановление в освобожденных районах интерпретировалось как залог

будущего страны. Такая пропаганда преследовала и практическую цель: в тяжелейших материальных условиях сохранить, а в освобожденных районах – вернуть контингент школьников.

Начиная с 1943 г. в газетной публицистике и художественной литературе прослеживается постепенное формирование образа несовершеннолетнего военнослужащего. Важную роль в этом процессе сыграли участвовавшая практика награждения детей за боевые заслуги. Создание суворовских училищ позволило объединить образы сражающегося и опекаемого ребенка. Сводный полк суворовцев принял участие в историческом Параде Победы 24 июня 1945 г.

Огромную популярность завоевала повесть В. П. Катаева «Сын полка», опубликованная в 1945 г., а в следующем году удостоенная Сталинской премии II степени. Благодаря художественным достоинствам и информационно-пропагандистской поддержке название книги и имя ее главного героя Вани Солнцева приобрели символическое значение, персонифицировали образ военного детства.

В целом, образы детей и детства занимали одно из ключевых мест в советских пропагандистских практиках 1941–1945 гг. В их трансляции в информационном пространстве в этот период выделяются: попытка использования в первые месяцы войны довоенной конструкции образа советского детства, отказ от целостной концепции и формирование автономных образов детей в период боевых действий на территории СССР, генерализация образа детства на этапе победоносного завершения войны.

В главе 3 «**Образ военного детства в сознании детей Донбасса (1941–1945 гг.)**» реконструируется неотъемлемый элемент народного образа войны – образ военного детства таким, каким он складывался в ходе самой Великой Отечественной войны.

В параграфе 3.1. «*Факторы формирования образа военного детства на обыденном уровне общественного сознания населения Донбасса в 1941–1945 гг.*» характеризуются три их группы: социально-экономическая ситуация в Сталинской и Ворошиловградской областях к концу 1930-х гг.; ход войны в Донбассе; общие тенденции в сфере семейных отношений в советском обществе.

Особенности урбанизации Донбасса, связанные с экстенсивным ростом промышленности, проявились в формировании самобытного культурного пространства региона, впитавшего черты сельских традиций и элементы городского образа жизни с характерным для него советско-пролетарским интернациональным смысловым наполнением. На 1 января 1939 г. население Сталинской области составляло около 3,1 млн. чел., из них 78% – городское население, Ворошиловградской – соответственно, 1,84 млн. чел. и 56%¹⁰.

В первые месяцы Великой Отечественной войны происходила массовая эвакуация, типичным стал также самостоятельный переезд горожан в

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 г. основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. – М.: Наука, 1992. – С.25.

сельскую местность. После ожесточенных боев в конце октября 1941 г. советские войска оставили юго-западную часть региона и заняли оборону на берегах рек Северский Донец и Миус. В результате немецкого наступления на Сталинград и Кавказ, территория Донбасса в июле 1942 г. оказалась полностью оккупированной фашистами и была подчинена военной администрации. Постоянной для мирного населения, в том числе и для подростков, была угроза быть угнанными в Германию или привлеченными на ремонтные и фортификационные работы. Частью жизни в условиях оккупации стали систематические облавы и массовые казни. Особенностью Донбасса было и присутствие военнослужащих стран-сателлитов Германии.

Полное освобождение региона в сентябре 1943 г. в результате Донбасской наступательной операции положило начало восстановительному периоду. Численность населения Сталинской и Луганской областей составила 48,8% от довоенной. Мерам по восстановлению угольной промышленности Донбасса были посвящены специальные постановления ГКО от 22 февраля и 22 октября 1943 г. Возвращались эвакуированные промышленные коллективы, привлекались трудовые ресурсы всего СССР, в том числе учащиеся ФЗО. В силу этих обстоятельств происходило тесное общение детей и подростков – носителей различного военного опыта.

Отдельные характерные стороны частной жизни горожан Донбасса накануне и в период войны раскрываются на основе анализа визуальных источников – снимков из фотоальбома семьи Носковых-Сергеевых.

В параграфе 3.2. *«Образы событий и состояний в структуре образа военных реалий в сознании детей Донбасса»* на обширном конкретно-историческом материале рассматриваются структурные особенности синхронного образа военного детства в сознании маленьких свидетелей большой войны.

Событийная ткань образа войны связана с личной судьбой детей. Из опрошенных автором 52 детей войны 38 – пережили оккупацию, 9 – оказались в эвакуации, 5 – были вывезены в Германию. При всей неповторимости образов событий, ряд из них переходит с индивидуального на общественный уровень. А. Мегилл, Р. Козеллек, Г. Гринченко на материалах устной истории показали, что военным событиям присущи общие структуры, которые служат основой формирования схожих черт сознания.

В детском сознании отчетливо проявляется особый, отличный от понятийного, механизм обобщения, который в рамках синергетической парадигмы описывается как эффект ассимиляции: наиболее яркий образ выступает в роли генерализующего заместителя, вбирает в себя черты целого ряда образов. Образ такого события, как авиационные удары по населенным пунктам – «бомбежки» – остался в сознании детей военного поколения символом начала войны, а для многих – и войны как таковой. Исторической памятью, по нашему мнению, объясняется соответствующее обозначение в разговорной речи артиллерийских ударов по городам Донбасса в 2014–2017 гг.

Образы Победы разнятся очень существенно. Часто у детей преобладают отраженные образы радостного эмоционального состояния взрослых. У переживших оккупацию образ Победы непосредственно связан с освобождением родного населенного пункта советскими частями («нашими»). Типичным является образ Красной Армией, представленный яркими картинками советской военной техники. Множество текстов песен о боевых машинах были сообщены фольклористам именно детьми.

Один из наиболее сложных образов в детском сознании – образ врага. Характер индивидуальных образов вражеских солдат зависел от интенсивности взаимодействия с ними. Для жителей сельской местности преимущественно характерен образ немецкого солдата, сформированный на основе эпизодических контактов и памяти о собственных эмоциях и физическом состоянии в это время. Дети, жившие в городах, в непосредственной близости с врагом, различали офицеров, солдат второго эшелона (поваров, конюхов, др.), отдельных военнослужащих. Так, А. Д. Рывкинд, вместе со своей матерью переехавший из Сталино в Таганрог (чтобы скрыть национальность) подробно описал страх, связанный с жившим по соседству солдатом – «немцем из Прибалтики». В детском фольклоре преобладают насмешливо-сатирические образы фашистов («фрицев»).

Рефлективную презентацию врага мы видим в рисунке И. Кекуха. Автор изобразил юношу, сражающегося с хищной птицей (аллюзия на герб Германии). В метафорической композиции читается ненависть подростка к врагу и активное позиционирование в войне. Участник Авдотьино-Буденновской подпольной группы, Иван Кекух был схвачен оккупантами и казнен в 1943 г.

Основу образа нужды и лишений, в первую очередь связанного с войной, составляют образы психосоматических состояний: голода, холода. Голод дети переживали значительно тяжелее взрослых в силу несформированности механизмов волевой регуляции. Дополнительными в данном случае выступают образы событий, так или иначе связанных с утратой или обретением продуктов, тепла, необходимостью за них бороться: отобранный воспитательницей «оладышек из лабуды», охота на кошек, сбор незрелых ягод, пошив сапог из дедушкиного портфеля глухонемым соседом. Особо стойкие образы состояний – общие для всего поколения детей войны.

В параграфе 3.3. «Образ военного детства в жизненной истории донецкого подростка (на материалах личного дневника Энгелины Подольской)» вводится в научный оборот источник, дающий уникальную возможность проникновения во внутренний мир девочки, вовлеченной в военные реалии с 12 лет.

Мать Энгелины, М. Н. Подольская, врач по специальности, была мобилизована в июле 1941 г. и до декабря 1945 г. проходила службу старшим ординатором, затем начальником медицинского отделения эвакогоспиталя №3433, который неоднократно менял место дислокации: Сибирь, Карелия, Дальний Восток. Командование, учитывая семейные

обстоятельства, разрешило Марии Николаевне взять дочь с собой, со временем Эна Подольская начала работать в эвакуогоспитале. Дневник велся с перерывами в 1943–1946 гг.

Материалы дневника ярко раскрывают особенности отражения военного времени в сознании советского подростка. Содержание источника безоговорочно свидетельствует, что главным стержнем всей духовной жизни девушки в тот период выступает война. В дневнике часто пересказываются сводки Совинформбюро, нередко им уделяется больше внимания, чем повседневным событиям, особенно если речь идет о малой родине. 8 сентября 1943 г. Эна фиксирует точное время важного радиосообщения – 7 часов 20 мин.: «...город Сталино – мой родной милый город. О, какая была у меня радость, и что творилось в госпитале: все плакали, целовались, поздравляли друг друга. Ну наконец мой родной город освободили!»

Дневник содержит богатый материал о тыловой школьной жизни, повседневности советских подростков, их досуге, мире личных чувств. Подробные, взволнованные записи о начале школьных преобразований 1943 г. существенно дополняют официальную информацию. Интересно, что предусмотренное реформой раздельное обучение мальчиков и девочек вызывает у Эны меньше эмоций, чем введение строгих стандартов внешнего вида и новых обязанностей учеников. Она горячо одобряет новации. Подробно описаны субботники, соцсоревнование, в котором участвуют школьники. Показательно, что постоянные лишения (тяжелый для подростка труд в госпитале, бытовая неустроенность, недоедание) практически не отражены на страницах дневника.

Стиль написания личного дневника, отраженные в нем факты свидетельствуют о раннем взрослении этой девочки как типичной представительницы своего поколения, о ее советском образе мышления и способах восприятия действительности. Личность–коллектив–страна предстают здесь в неразрывной связи.

В целом ключевая роль в структуре образов военных реалий в сознании детей разных возрастных групп, при всем их своеобразии, принадлежала комбинации образов событий и образов состояний, причем как эмоциональных, так и психосоматических. Целый ряд общих образов событий, а также совпадающие образы состояний формируют эмоционально достоверную картину военного детства целого поколения, ставшую основой его коллективной памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ военного детства закономерно относится к числу ключевых образов советского общественного сознания периода Великой Отечественной войны. Изучение военного детства 1941–1945 гг. находится в русле современных человекоцентричных исследований, ведь ребенок, его жизнь и здоровье представляют собой один из базовых инвариантов любой системы

социальных ценностей. Пройдя литературно-публицистический и научно-литературный этапы, они вышли на историко-антропологический уровень. Различные аспекты проблемы образа военного детства в советском общественном сознании затрагиваются в исследованиях нескольких направлений: изучение повседневных структур детства, устная история, анализ образов общественного сознания, историко-антропологические аспекты общих проблем Великой Отечественной войны.

Объективация образа детства в вербальных, визуальных и звуковых формах делает возможным его изучение на основе комплексного анализа источников: официальной документации, фольклора, источников личного происхождения, художественных произведений, визуальных материалов, устной истории.

В период Великой Отечественной войны на идеологическом уровне советского общественного сознания образ детства прошел сложную трансформацию, в которой можно выделить три основных этапа.

Июнь–декабрь 1941 г. – неудачная попытка инструментальной адаптации к военным условиям образа счастливого советского детства. Он служил своеобразным воплощением идеи социальной справедливости, демонстрацией достижений СССР, символом устремленности молодого государства в будущее, вступил в очевидное противоречие с реальностью начального этапа войны. Военные поражения заставили изменить содержание и тон пропаганды.

1942–сер. 1944 гг. – разработка сложных, тесно связанных с народными представлениями дифференцированных образов: ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика, сражающегося ребенка. Определяющим фактором формирования таких образов становится их оборонно-мобилизационный потенциал. Доминирующим и на идеологическом, и на обыденном уровне общественного сознания был предельно трагичный, эмоционально обостренный образ ребенка-жертвы.

Детские образы обладали относительно автономной внутренней структурой, что обеспечивало возможность их взаимопроникновения и взаимодействия с базовыми советскими идеологемами: «Отечественная война», «Родина-Мать», «Красная Армия-освободительница», «немецко-фашистские захватчики».

Сер. 1944–1945 гг. – в условиях победоносного завершения войны, происходит генерализация и структурное упрощение образа военного детства, связанные с форсированным возвращением доминирования образа И. В. Сталина, партии и государства. На данном этапе в образе военного детства акцент делался, с одной стороны, на заботе государства, общества, семьи о детях (что составит основу образа детства в мирном будущем), а с другой – на участии детей в вооруженной борьбе с фашизмом (что станет базой ретроспективного пропагандистского образа военного детства).

Образы детей и детства стали одними из ключевых, позволивших в момент максимально драматического напряжения сил миллионам людей

ответить на вопрос о целях и смысле борьбы, увидеть путь спасения детей в борьбе за всю страну. Динамика образа военного детства позволяет глубже и полнее понять идеологический арсенал советского агитационно-пропагандистского аппарата, который смог в результате сложных поисков найти правильную тональность подачи образа детства и обеспечить выполнение им мобилизационной и мировоззренческой функций. Сознательные и целенаправленные усилия советской партийно-государственной машины по формированию образа военного детства сложно сочетались с обыденными образами, которые формировались стихийно.

Образ военного детства в сознании самих детей был обусловлен как возрастными психологическими особенностями (субъект восприятия), так и своеобразием социально-экономического положения, хода военных действий и оккупационного режима в Донбассе (условия и объект восприятия). Образы военных реалий как форма организации и обобщения личного и социального опыта возникали вместе со становлением самосознания, социализацией и встраивались в базовые структуры личности, влияли на формирование мышления, воображения.

Основу структуры обобщенных образов военных реалий в сознании детей составляли образы событий (бомбардировок, прихода фашистских войск, эвакуации), которые в результате ассимиляции обрели символическое значение, и совпадающие у большинства образы эмоциональных, психосоматических состояний (страха, радости, голода). По мере взросления фрагментарные впечатления превращались в осмысленную и целостную картину процесса, этапа, войны в целом, ретроспективный образ военного детства, в котором сливались воедино гордость и боль.

Воссозданный на основе личного дневника Э. П. Подольской (Червяченко) образ войны и военного детства отражает многие типические черты советских детей, которые самоотверженно трудились рядом со взрослыми, старались внести свой посильный вклад в победу над врагом, демонстрируя дисциплину и собранность. Документ ярко характеризует соотношение пропагандистского образа войны и повседневной реальности, осознанное преобладание общественного над частным.

Образ детства более отчетливо, чем другие образы общественного сознания, позволяет проследить слияние в условиях военных реалий традиционного, героико-исторического и советского пластов сознания. Анализ образа военного детства на идеологическом и обыденном уровнях советского общественного сознания расширяет аргументацию того, что именно Великая Отечественная война стала одним из решающих факторов формирования советского народа в его лучших чертах – стойкости, оптимизме, жертвенности, интернационализме, взаимовыручке и будничном героизме.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в рецензируемых научных изданиях

1. Носков В.Ю. Образ початку Великої Вітчизняної війни у свідомості дітей воєнного покоління / Стяжкіна О.В., Носков В.Ю. // Історичні і політологічні дослідження. – 2009. – №1(41). – С.138–143.
Личный вклад: исследование комплекса представлений о событиях, ставших символами начала Великой Отечественной войны в сознании детей воєнного покоління.
2. Носков В.Ю. Особистий щоденник Е.П.Подольської як джерело з історії дитинства періоду Великої Вітчизняної війни / Горбова М.В., Носков В.Ю. // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн.21 / Голов. ред. З.Г.Лихолобова. – Донецьк: ДонНУ, 2012. – С.47–55.
Личный вклад: анализ информационного потенциала дневника Э.П.Подольской, как источника по истории воєнного дитинства.
3. Носков В.Ю. Сімейна фотографія як візуальна репрезентація соціальної історії дитинства кінця 1930-х–1940-х років (на матеріалі сімейного альбому Н.А.Носкової) / Носков В.Ю. // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн.22 / Голов. ред. З.Г.Лихолобова. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – С.201–211.
4. Носков В.Ю. Образи дітей и дитства в газетній періодикі Української ССР 1941–1945 гг. / Носков В.Ю. // Журнал історических, політологіческих и міжнародних ісследований: Ізданіє Донецького національного університета, історический факультет / Гл. ред. Никольский В.Н. – 2015. – №2 (56). – С.29–37.
5. Носков В.Ю. Формирование образу воєнного дитства в советской пропаганді на начальном етапі Великої Отечественної війни (іюнь-декабрь 1941 г.) / Носков В.Ю. // Журнал історических, політологіческих и міжнародних ісследований: Ізданіє Донецького національного університета, історический факультет / Гл. ред. Никольский В.Н. – 2016. – №2 (58). – С.45–52.

Другие публикации по теме диссертации

Статті в научних збірниках:

6. Носков В.Ю. Повсякденне життя та здоров'я дітей воєнного покоління в їх спогадах / Носков В.Ю. // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.6 / Голов. ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-прес, 2008. – С.103–108.
7. Носков В.Ю. Изучение дитства по художественным источникам в зарубежной историографии / Носков В.Ю. // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.7 / Голов. ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-прес, 2009. – С.150–157.

Публикации источников:

8. Опалені війною: спогади про воєнне дитинство (1941–1945 рр.) // Опалені війною: спогади про воєнне дитинство (1941–1945 рр.) / Укл. Носков В.Ю. – Донецьк: Донецький обласний центр туризму та краєзнавства учнівської молоді, 2008. – 150 с.
9. Носков В.Ю. Военная судьба Эны Подольской (с публикацией ее детского дневника) / Носков В.Ю. // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.10 / Голов. ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-прес, 2012. – С.62–85.
10. Великая Отечественная война глазами детей: исторические источники мемуарного характера // Великая Отечественная война глазами детей: исторические источники мемуарного характера / Сост.: Анпилогова Т.Ю., Зверуха И.А., Королева Г.И., Носков В.Ю.; под общ. ред. Т.Ю.Анпилоговой. – Луганск, 2016. – 212 с.

Материалы конференций:

11. Носков В. Значение битвы на Курской дуге в освобождении Восточной Украины в мемуарах советских военачальников / Владимир Носков // Третя Всеукраїнська краєзнавча конференція учнівської молоді «Південно-східна Україна: із стародавності у XXI ст.». Матеріали та тези доповідей. – Донецьк, 2007. – С.103–105.
12. Носков Ю.В. Повсякденне життя дітей Донеччини в умовах німецько-фашистської окупації / Носков Ю.В. // Каразінські читання (історичні науки): тези доповідей 62-ї Міжнародної наукової конференції молодих вчених (ХНУ імені В.Н.Каразіна, 24 квітня 2009 р.). – Харків: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2009. – С.235–236.
13. Носков В. Спогади дітей воєнного покоління про німецько-фашистську окупацію (1941–1943 рр.) / Носков Володимир // 65 років визволення України: погляд із сьогодення. Матеріали міжвузівської наук.-практ. студентської конференції, 27 жовтня 2009 р. – Донецьк, 2009. – С.62–63.
14. Носков В.Ю. Великая Отечественная война в детских судьбах (на материалах воспоминаний А.А.Гайсиновича и А.Д.Рывкинда) / Носков В.Ю. // Запорожские еврейские чтения: Доклады и сообщения. – Днепропетровск: «Ткума», 2012. – С.133–139.
15. Носков В.Ю. Две войны в жизни одного поколения: интервью детей войны (1941–1945 гг.) как исторический источник / Носков В.Ю. // Сборник материалов Первой научной конференции ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы». – Донецк, 2015. – С.24–27.
16. Носков В.Ю. Пропагандистский образ ребенка-труженика в газетной периодике СССР периода Великой Отечественной войны / Носков В.Ю. // Детское и молодежное движение: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В.А.Кудинов. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2016. – С.44–47.

17. Носков В.Ю. Методология изучения военного детства (1941–1945 гг.) в современной российской историографии / Носков В.Ю. // Донецкие чтения –2016. Образование, наука и вызовы современности. Материалы Международной научной конференции (Донецк, 16–18 мая). – Т.7: Социально-политические, исторические науки. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – С.182–185.